

М. К. Юрасов

ИРИ РАН, Москва, Россия. *mihail_yurasov@mail.ru*

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА «РУССКОГО КАГАНАТА» В ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ IX в. И ИЗВЕСТИЯ НИКОНОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Внешнеполитическая ситуация, способствовавшая успеху похода руси на Константинополь 860 г. и неудаче второго похода 866 г., одним из следствий которого стало появление первого очага христианства на Руси, быстро прекратившего свое существование, до сих пор недостаточно исследована ввиду скудости достоверных известий источников. Между тем привлечение всех свидетельств, касающихся обстановки в Северном Причерноморье в указанное время, позволяет не только создать аргументированную гипотетическую версию внешнеполитической истории «Русского каганата» в третьей четверти IX в., но и оценить соответствие полученной картины некоторым уникальным известиям Никоновской летописи, условно называемым отдельными исследователями «летописью Аскольда».

Ключевые слова: «Русский каганат», походы руси на Византию 860 и 866 гг., этническая история Северного Причерноморья, свидетельства восточных источников о народах Восточной Европы, Никоновская летопись

Одним из признаков складывания в IX в. раннего государства у восточных славян и поселявшихся в их землях более организованных в военном отношении варягов было появление в источниках сведений о походах русов/росов на Византию и их конфликтах с кочевавшими в Северном Причерноморье степняками, мешавшими нормальному функционированию пути «из варяг в греки». Отрывочные известия об этом оставлены нам как непосредственными свидетелями этих набегов, так и авторами более поздних исторических сочинений. Особую группу среди них составляют уникальные известия Никоновской летописи (далее – Ник.) – источника первой трети XVI в., в котором при описании событий времени появления первого государственного образования на юге будущей Руси информация, содержащаяся в Повести временных лет (далее – ПВЛ), с трудом отыскивается в обширных выдержках из сочинений византийских авторов (в русском переводе), касающихся времени правления Михаила III (843–867 гг.) и Василия I Македонянина (867–886 гг.).

Исследователи, начиная с Н. М. Карамзина и более решительно после появления работ А. А. Шахматова, считают уникальные известия Ник. баснословными. Лишь И. Е. Забелин высказывался в пользу их достоверности¹, а некоторые историки, как, например, В. О. Ключевский [Ключевский, с. 110–111], некритически привлекали ее известия. Б. А. Рыбаков безапелляционно высказался за достоверность уникальных известий Ник., основываясь на том, что в XVI в. сообщаемые в них сведения выглядели ни с чем не связанными подробностями, в сочинении которых не было никакой необходимости [Рыбаков, с. 160]. Б. А. Рыбаков также подробно разобрал каждое из таких известий, составлявших, по его мнению, «летопись Аскольда» – самый ранний опыт ведения погодных записей на Руси [Рыбаков, с. 165–171]. При этом историк соотнес некоторые из рассматриваемых известий Ник. с их предполагаемыми параллельными сведениями в византийских хрониках, считая, что составитель этих записей пользовался по большей части так называемой «александрийской эрой», согласно которой «сотворение мира» произошло за 5500 лет до Рождества Христова.

Несмотря на то что О. М. Рапов признал аргументацию Б. А. Рыбакова убедительной, а версию последнего о трех походах руси на Византию – в 860, 866 и 874 гг. – неопровержимо доказанной [Рапов, с. 82], широкой поддержки она не получила. Л. В. Черепнин, высказывая

¹ Обзор мнений см.: [Клосс, с. 16].

свое отношение к гипотетическим построениям Б. А. Рыбакова, призвал к более глубокому текстологическому изучению уникальных сведений Ник., выяснению их происхождения, чтобы реально оценить гипотезу о «летописи Аскольда» [Черепнин, с. 58]. С этим согласился и автор сравнительного исследования списков Ник. Б. М. Клосс [Клосс, с. 16]. Однако возможности текстологического анализа в данном случае весьма ограничены и не позволяют привести исчерпывающие доказательства как достоверности рассматриваемых известий, так и того, что они являются плодами фантазии книжников первой трети XVI в. Еще менее это возможно другими методами исторического исследования.

Сознавая это, автор настоящей работы ставит перед собой более доступную для решения задачу – восстановить общую картину внешнеполитической истории Северного Причерноморья в третьей четверти IX в., используя более широкий круг источников, чем тот, которым пользуются исследователи, и учитывая достижения венгерской историографии, давно и тщательно изучающей все дошедшие до нас сведения о пребывании конфедерации венгерских племен на землях степного «коридора», простиравшегося от Среднего Подонья до нижнего Дуная. После этого полученная хронологическая канва событий внешнеполитической истории сравнивается с уникальными известиями Ник. – насколько последние вписываются в нее.

* * *

Самыми достоверными источниками, содержащими сведения о внешнеполитических акциях «росов», касающихся «империи ромеев», являются сочинения константинопольского патриарха Фотия (858–867 гг., первое правление) – две гомилии «О нашествии росов» (произнесенные летом 860 г. во время осады ими Царьграда) и «Окружное послание» к восточным архиерейским престолом, датируемое исследователями рубежом 866–867 гг.² Для темы настоящей работы важно то, что в гомилиях нет даже намека на то, что «росов» постигла неудача в 860 г. или они стали жертвами природной стихии, а «Окружное послание» свидетельствует о принятии во время его написания христианства частью народа, совершившего шестью годами ранее поход на Константинополь.

Другим византийским источником, созданным столетием спустя времени наибольшей внешнеполитической активности «Русского каганата», является трактат императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей», датируемый исследователями между 948 и 952 гг.³ В этом сочинении приводятся в том числе сведения о конфликтах между венграми и печенегами в степях Северного Причерноморья в IX в. Источниками этой информации, скорее всего, были рассказы посещавших в середине X в. Константинополь венгерских вождей Термачу и Булчу и/или кого-то из их свиты. При этом информаторы василевса не знали, когда именно произошла первая война между венграми и печенегами, и лишь приблизительно датировали вторую войну между ними. Тем не менее записанные Константином венгерские исторические предания позволяют представить в общих чертах ход процесса потери венграми гегемонии на землях «Внешней Хазарии» и возвращения Хазарией былого статуса великой державы Восточной Европы. На фоне этого бросается в глаза полное умолчание императором о походах руси на Византию и принятии ею христианства.

Важные сведения об этнополитической ситуации в степной полосе Восточной Европы, изменение которой влияло на возможности «росов» в выстраивании ими отношений с

² Новейшее издание текста с переводом и научными комментариями см.: Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках / Под ред. И. С. Чичурова // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 г. М., 2003. С. 17–84.

³ Научное издание см.: Константин Багрянородный Об управлении империей. Текст, перевод, комментарии / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. 2-е изд. М., 1991.

Византией, содержат сочинения арабских географов раннего Средневековья. Многие из них повторяют информацию так называемой «Анонимной записки» – описания северных народов, сведения которого венгерские востоковеды называют «традицией Джайхани». Оригинальный текст этого сочинения до нас не дошел, наиболее ранняя из его редакций содержится в «Книге драгоценных украшений» («Китаб ал-Алак ан-Нафиса») Ибн Русте, составленной в 903–925 гг. Использование в этом произведении «Анонимной записки» подтверждается упоминанием в нем «царя славян» по имени С.вит.м.л.к, в котором исследователи видят великоморавского князя Сватоплука I (870–894 гг.). На основании этого подавляющее большинство исследователей датирует информацию «Анонимной записки» 70–90-ми гг. IX в.⁴ Среди вариантов этого письменного памятника в настоящей работе привлекается его редакция в труде персидского автора Гардизи «Краса повествований» («Зайн ал-ахбар»), написанном между 1050 и 1053 гг.

Д. Е. Мишин предложил более узкую датировку составления «Анонимной записки» – между 889 и 892 гг. [Мишин, с. 51, 57–58], однако эту гипотезу нельзя признать обоснованной⁵, поскольку исследователь не учитывает в своей аргументации все сведения информаторов Константина Багрянородного и опирается на сведения хроники Регинона Прюмского (ум. в 915 г.) об уходе венгров из «Скифии» в 889 г. Однако эта датировка давно вызывает сомнения у специалистов. Она могла появиться в результате ошибки хрониста при работе с имевшимся в его распоряжении источником: приняв александрийскую эру, которой был датирован уход венгров из «Скифии», за константинопольскую, Регинон удревнил начало «обретения родины» венграми в Среднем Подунавье⁶. Для темы настоящей работы большую ценность представляют сведения «Анонимной записки» о тяжелом положении печенегов, регулярно подвергавшихся нападениям своих соседей, что также, по моему мнению, более соответствует ситуации 70–80-х гг. IX в., чем 889–892 гг. (см. об этом ниже).

* * *

К началу рассматриваемого периода, то есть к 850 г., Хазарский каганат уже преодолел последствия «гражданской войны» начала IX в. Хозяевами степного «коридора», протянувшегося от нижнего Дона до нижнего Дуная, еще оставались венгерские племена. Они не были втянуты в хазарскую междоусобицу, поскольку имели места поселений на окраинах «Внешней Хазарии», поэтапно перемещаясь (в периоды ослабления каганской власти) сначала в южном, а затем в западном направлении⁷. Основанием для утверждения о преобладании венгров в рассматриваемом регионе в 30–40-е гг. IX в. являются: 1) их активное участие около 836–838 гг. в событиях, связанных с мятежом поселенных в Болгарии пленных македонцев, когда они оказали военную помощь болгарскому хану Пресиану (836–852 гг.)⁸; 2) возвращение посольства «хакана росов» в 839 г. кружным путем на родину в связи с тем, что в Северном Причерно-

⁴ *Ибн Русте. Книга дорогих ценностей* / Пер. Т. М. Калининой // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. М., 2009. Т. 3. Восточные источники / Сост. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, В. Я. Петрухин. С. 43.

⁵ Уточнение Д. Е. Мишиным даты составления «Анонимной записки» не нашло поддержки у востоковедов (см.: [Шорохов, с. 72]).

⁶ См. об этом: *Регинон Прюмский. «Хроника» с продолжением* // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2010. Т. 4. Западноевропейские источники / Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. С. 45. Примеч. 4. Сомнения по поводу достоверности датировки Регинона высказывали уже в конце XIX в. венгерские историки Д. Паулер и Й. Тури, а также ряд исследователей XX в., не упомянутых А. В. Назаренко в этом примечании. Обзор мнений см.: [Kristó, p. 141–143].

⁷ См. об этом: [Юрасов, 2020].

⁸ См. рассказ хроники Продолжателя Георгия Амартола: *Georgii Monachi, dicti Hamartoli Chronicon... a diversis scriptoribus... continuatum* / Ed. E. de Muralto. Petropoli, 1859. P. 724–726.

морье ему угрожали некие «варварские и исключительно свирепые народы»⁹, в которых большинство исследователей видят венгров (см.: [Артамонов, с. 347; Левченко, с. 56; Пашуто, с. 58; 314, примеч. 8; Bollók Ádám] и др.)¹⁰.

Отсутствие серьезной внешней угрозы во время «гражданской войны» в Хазарии способствовало тому, что венгры рассеялись по достаточно большой территории Восточной Европы. Персидский географ Гардизи на основании одного из списков «Анонимной записки» писал, что народ «ал-маджарийа» контролирует прилегающую к Черному морю площадь 100 на 100 фарсахов¹¹, что примерно соответствует 360 тыс. кв. км. Магьяры занимали не только значительную часть «Внешней Хазарии», но и более западные земли вплоть до нижнего Дуная. Хотя в Нижнем Поднепровье венгры соседнили с так называемым «Русским каганатом», последний, не добившийся в 838–839 гг. заключения союза с Византией, не имел военных сил, достаточных для вытеснения магьяр с южного участка пути «из варяг в греки». Венгры (скорее всего, номинально) признавали верховную власть Хазарии и в случае войны с русами могли рассчитывать на ее военную помощь. Венгерские племена, объединившиеся в конфедерацию еще до появления на землях «Внешней Хазарии» [Kristó, p. 129], в первой половине IX в. не стремились к более тесной консолидации в связи с отсутствием сильных в военном отношении соседей.

Что же касается так называемого «Русского каганата», под которым в рассматриваемое время, скорее всего, следует понимать этнополитическое объединение отдельных групп восточного славянства, проживавших в приграничных со степью районах, и присоединившихся к ним переселенцев из Скандинавии (варягов), то ему также вряд ли в то время угрожали воинственные соседи. «Анонимная записка» не сохранила сведений о том, чтобы народ «ар-рус» подвергался нападениям извне. Все это поддерживало баланс сил между рассматриваемыми этнополитическими объединениями, одно из следствий которого – отсутствие у нас сведений об истории венгров и русов в 840-х гг.

Самое раннее известие мусульманских источников, возможно касающееся «Русского каганата», приводит ал-Йа'куби в своей «Истории», датируя его 239 г. х. (853/854 г.). Подвергавшиеся преследованиям за свою религию санарийцы (одна из народностей Закавказья) обратились с просьбой об убежище к правителям Хазарии, Рума (Византии) и народа «сакалиба»¹². Скорее всего, ал-Йа'куби, в отличие от автора «Анонимной записки», назвал «хакана росов» «маликом сакалиба», что согласуется с явным преобладанием восточных славян среди населения «Русского каганата»¹³. Лишь лидер этого этнополитического объединения мог быть назван титулом «малик» и имел международный авторитет, сопоставимый с тем, что были у василевса «ромеев» и хазарского кагана. Раздробленные же на отдельные племена венгры «малика» не имели.

Политическая ситуация в Северном Причерноморье радикально меняется в начале 50-х гг. IX в. К тому времени Хазария не только полностью восстановила свою былую мощь, но и укрепила северо-западные границы, сильно затруднив нападения венгров и других этнических групп, имевшие место в период «гражданской войны». Однако «возмутителями спокойствия» на этот раз стали печенеги, первая волна которых перешла Волгу между землями «каганского домена» и Волжской Булгарии и сначала напала на хазар. Возможно, в данном

⁹ Annales de Saint-Bertin / Ed. F. Grat, J. Vielliard, S. Clémencet. Paris, 1964. P. 30.

¹⁰ Гипотезы о том, что это могли быть печенеги или иные степняки, не опираются на серьезные основания.

¹¹ Бартольд В. В. Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар» // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1973. Т. 8. С. 58.

¹² Йа'куби. История // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 3. С. 39.

¹³ О менее вероятных версиях значения этника «сакалиба» у ал-Йа'куби см.: Там же. С. 39. Примеч. 24.

случае имело место специфическое степное «перенаселение», когда проживавшим в Заволжье кочевым племенам стало не хватать места для эффективного скотоводства, связанного с регулярным перегоном скота из одной местности в другую, в результате чего части печенегов (*кангарам*) пришлось оставить степи Центральной Азии.

Вот как описывает эти события (не датируя их) Константин Багрянородный в гл. 38 трактата «Об управлении империей»: «Пачинакиты же, прежде названные кангар (а название кангар давалось у них в соответствии с благородством и мужеством), двинулись на хазар войною и, будучи побеждены, были вынуждены покинуть собственную землю и населить землю турок (= венгров). Когда же меж турками и пачинакитами, тогда называвшимися кангар, состоялось сражение, войско турок было разбито и разделилось на две части. Одна часть поселилась к востоку, в краях Персии, – они и ныне по древнему прозвищу турок называются савартами-асфалами, а вторая часть поселилась в западном краю вместе с их воеводой и вождем Леvedией»¹⁴.

Как видно из процитированного отрывка, объединившиеся для поселения во «Внешней Хазарии» и освоения Северного Причерноморья в племенную конфедерацию венгры назывались *савартами-асфалами*, а первая волна печенегов, появившаяся в степях Восточной Европы, была представлена *кангарами*. В гл. 37 этого же трактата император перечисляет три «фемы» *пачинакитов* (из восьми), в которых проживали *кангары*, «более мужественные и благородные»¹⁵. Таким образом, венгерские информаторы Константина Багрянородного еще помнили о том, что первая венгерская конфедерация савартов-асфалов распалась вследствие понесенного от кангаров поражения, а ее не ушедшие «в края Персии» остатки вынуждены были сузить ареал своего кочевания западной половиной причерноморского степного «коридора», где им пришлось создавать новое племенное объединение. Скорее всего, условной границей между остатками савартов-асфалов и кангарами стало поначалу нижнее течение Днепра¹⁶.

Датировка первого венгерско-печенежского конфликта является предметом не прекращающейся дискуссии исследователей. Многие из них отталкиваются от выражения императора Константина, в цитированном трактате которого (гл. 37) сообщено о нападении узов и хазар на пачинакитов за 50 лет до написания этого произведения и о 55 годах проживания пачинакитов в Северном Причерноморье к этому времени¹⁷. Эту информацию связывают с «цепной реакцией», произошедшей в степях Евразии примерно в то же время: в 893 г. саманидский эмир Исмаил ибн Ахмед победил досаждавших ему на севере его владений узов (огузов, торков), вынудив их откочевать в Поволжье. Там они в союзе с хазарами около 894 г. напали на печенегов, которым пришлось также двинуться на запад, в области проживания венгров. В 895 г. печенеги в союзе с дунайскими болгарами разорили Этелкёз, что заставило венгров искать новую родину в Среднем Подунавье.

Соотнося рассматриваемую информацию Константина Багрянородного с приведенными после нее фактами, сторонники концепции позднего появления печенегов в Северном Причерноморье, исходя из времени написания трактата «Об управлении империей» (между 948 и 952 гг.) и указанных в нем временных ориентиров (за 50 и 55 лет до его создания), определяют хронологический интервал, во время которого произошли нападения печенегов на венгров, вынудившие последних покинуть Северное Причерноморье, между 893 и 902 гг.¹⁸ Эта версия

¹⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 158 (текст), 159 (пер.).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Такой вывод напрашивается из описания Константином границ «страны Ателькузу» в гл. 38 его трактата, из которого явствует, что восточным пределом ее территории было нижнее течение Днепра (см.: Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 162 (текст), 163 (пер.)).

¹⁷ Там же. С. 154 (текст), 155 (пер.).

¹⁸ См. об этом: [Tóth, 886. l.].

строится на весьма зыбких основаниях не только потому, что сам император Константин не говорит о том, что первая венгерско-печенежская война произошла за 55 лет, а вторая – за 50 лет до написания трактата «Об управлении империей». Трудно представить, чтобы за столь короткое время печенеги, придя из Заволжья, заселили территорию от нижнего Дона до нижнего Дуная, воюя с узами и хазарами на востоке и вытесняя на запад венгров, рассредоточившись по всему степному пространству Северного Причерноморья. К тому же 895 г. признаётся исследователями надёжной датой начала «обретения родины» венграми в Карпатской котловине, что, в случае начала движения печенегов из степей Центральной Азии в 893 г., делает этот процесс совершенно нереальным, учитывая то, что речь идет не о боевых конях, а о жилых кибитках. Тем не менее до сих пор встречаются исследователи, считающие, что в течение одного 895 г. печенеги завоевали причерноморский степной «коридор» протяженностью около 1000 км [Pálóczi, 219. l.]. Другая группа сторонников позднего появления печенегов в Северном Причерноморье, опираясь на свидетельство Регинона Прюмского, датирует 889 г. первый конфликт между венграми и печенегами ([Пашуто, с. 92; Тоупбее, р. 467, 468; Мишин, с. 51, 57, 59]; и др. авторы). О сомнительности этой датировки говорилось выше.

Еще в конце XIX в. К. Лукачи и Й. Тури обратили внимание на то, что армянские источники с 854 г. упоминают о проживании на реке Куре народа *севорди* (*севорти*) [Lukácsy, 157–158. l.; Thury], в котором многие исследователи видят ушедшую «в края Персии» часть савартов-асфалов. Эта гипотеза нашла широкую поддержку у специалистов по ранней венгерской истории, хотя высказывались и иные точки зрения, опирающиеся на менее надёжную аргументацию¹⁹. Если под этниконом *севорди/севорти* скрывается та часть савартов-асфалов, которая после понесенного от кангаров поражения переселилась в Закавказье, то 854 г. является *terminus ante quem* времени первого нападения печенегов (их передовой части – кангаров) на венгерские племена из двух описываемых Константином Багрянородным.

О том, что печенеги появились в Северном Причерноморье задолго до 889 г., свидетельствует Константин Багрянородный в гл. 38 трактата «Об управлении империей», описывая историю турок-венгров после их первого поражения от печенегов. Информаторы василевса сообщили ему, что каган Хазарии, желая сохранить свою власть над откочевавшими на новую родину (в Этелкёз) венграми, женил их «воеводу» Леведи(ю) на знатной хазарке, но этот брак оказался бездетным. Думается, прошло полтора-два десятилетия, чтобы окончательно убедиться в этом. Ввиду того, что Леведи(я) превратил зависимость своих племен от Хазарии в чистую формальность, каган решил после констатации бесплодности брака венгерского «воеводы» с хазаркой официально легитимировать его власть верховного вождя по хазарскому обычаю, но Леведи(я) отказался сделать это, сославшись на преклонный возраст и назвав более достойных кандидатов – Алмуца (Алмоша) и его сына Арпада. Все это не позволяет датировать первое нападение печенегов на венгров 889 г.: шесть лет (до 895 г.) – слишком малый срок для совершения описанных Константином событий, связанных с Леведи(ей).

О раннем появлении печенегов на границах Руси, до прихода в Киев «вещего» Олега, также свидетельствует ПВЛ. Здесь в историко-этнографическом введении после упоминания об обрах (аварах) можно прочитать: «По сихъ же придоша Печенѣзи; паки идоша Угри Чернии мимо Киевъ, послѣже при Олзѣ»²⁰. Под «черными уграми» имеются в виду венгры, о прохождении которых мимо Киева ПВЛ сообщает ниже под 898 г., описывая правление Олега, печенеги же, следовательно, пришли до начала правления Олега (882 г.).

¹⁹ Обзор мнений см.: [Kristó, p. 139–145].

²⁰ ПСРА. М., 1997. Т. 1. Стб. 12; М., 1998. Т. 2. Стб. 9.

Появление трех печенежских племенных групп в Северном Причерноморье не только положило конец продлившейся всю первую половину IX в. гегемонии венгров, но и радикально изменило этнополитическую ситуацию в этом регионе. Не ушедшие в Закавказье ее племенные группы савартов-асфалов сплотились под главенством верховного вождя Леведи(и) и признали над собой власть хазарского кагана. Именно в это время, между 854 и 861 гг., а не в течение нескольких десятилетий или даже нескольких веков, как думают некоторые исследователи²¹, венгры реально находились в полном подчинении у хазарского кагана, что помогло им «залечить раны» после поражения от кангаров.

Константин Багрянородный свидетельствует в гл. 38 трактата «Об управлении империей» о том, что «турки» (венгры) в течение трех лет участвовали во всех войнах хазар²². Судя по всему, это известие относится к рубежу 50–60-х гг. IX в. Венгерские исследователи давно обратили внимание на два факта, отмеченные в разных источниках, создатели которых никак не могли контактировать друг с другом. Если, согласно Житию Константина Философа, в начале 861 г. венгры помогали хазарам в их войне с Византией в Крыму²³, то уже в 862 г., по свидетельству Бертинских анналов, «унгры» разорили Восточнофранкское королевство Людовика Немецкого (840–876 гг.)²⁴. В связи с этим 861 г. представляется последним (из трех) годом, когда «турки»/венгры участвовали во всех войнах хазар, а 862 г. – временем ухода возглавляемых верховным вождем Леведи(ей) племен в более западные области «степного коридора» [Kristó, p. 132–134], что способствовало восстановлению их номинальной зависимости от хазар и переносу на западное направление внешнеполитических интересов венгерской правящей верхушки.

От появления первой волны печенегов в Северном Причерноморье более всего выиграл «Русский каганат». Кангарам необходимо было закрепиться на новых местах для кочевания на землях «Внешней Хазарии», имея на востоке враждебный им Хазарский каганат, правящая верхушка которого, используя военную силу уцелевших после разгрома венгров, в 860 г. готовилась к войне с Византией за возвращение степной зоны Крымского полуострова – так называемых «Готских климатов». Кроме того, одним из следствий нападения кангаров на савартов-асфалов и обострения отношений Хазарии с Византией стало временное исчезновение с Нижнего Поднепровья силы, препятствовавшей нормальному функционированию пути «из варяг в греки». Этим, а также уходом василевса Михаила III с войском в очередной поход против досаждавших его державе на востоке мусульман воспользовались «росы», чей флот внезапно появился в середине июня 860 г. под стенами Константинополя.

Русь не ставила тогда своей целью захват византийской столицы. Разграбив предместья Константинополя, «северные варвары» уклонились от сражения с вернувшейся императорской армией и с богатой добычей возвратились на родину. Патриарх Фотий в своих гомилиях и «Окружном послании» никак не подтверждает версию о том, что флот «росов» пострадал от ударов стихии, тем более – вызванных христианскими обрядами. Напротив, в «Окружном послании» содержится информация об усилении для Византии опасности со стороны «ро-

²¹ Обзор мнений см.: *Константин Багрянородный. Об управлении империей*. С. 392. Примеч. 7.

²² Там же. С. 158 (текст), 159 (пер.).

²³ В гл. VIII этого агиографического сочинения содержатся свидетельства о том, что во время пребывания славянских первоучителей в Херсонесе в начале 861 г. город был осажден хазарами, а после того, как хазарский полководец разрешил братьям продолжить свой путь на религиозный диспут, куда Константин Философ был приглашен хазарским каганом, в окрестностях Херсонеса братья едва не стали жертвой стоявших там лагерем венгров (см.: *Сказания о начале славянской письменности* / Отв. ред. В. Д. Королюк; Вступ. ст., пер. и коммент. Б. Н. Флори. М., 1981. С. 78).

²⁴ *Annales de Saint-Bertin*. P. 93.

сов» после их нашествия 860 г.: «[народ] Рос, те самые, кто – поработив [живших] окрест них и оттого чрезмерно возгордившись – подняли руки на саму Ромейскую державу!»²⁵.

Это свидетельство Фотия может означать продвижение «росов» на юг до границ крымских владений Византии. Вряд ли патриарх опасался распространения власти этих «варваров» в северном направлении, ничем не угрожавшего «империи ромеев». Скорее всего, «росы» после 860 г. установили контроль над Нижним Поднепровьем, став временно западными соседями печенегов-кангаров и восточными соседями венгерских племен. Все это происходило на фоне похода хазар в Крым в начале 861 г. и переселения венгров в Этелкёз в этом же или следующем году, а также набега «унгров» на владения Людовика Немецкого в 862 г.

До нас не дошло известий о событиях, происходивших в Северном Причерноморье в 862–865 гг., но на внешнеполитическую историю этого региона оказало косвенное влияние крещение Болгарии, произошедшее в конце этого периода. В 862 г. Борис, как и венгры, был призван в качестве союзника герцогом Карломаном, выступившим против своего отца – короля Людовика Немецкого. Во время этой затянувшейся междоусобицы в 864 г. Болгарию поразил страшный голод. Оба названных обстоятельства способствовали быстрой оккупации Болгарии византийской армией и принятию болгарями христианства в 864 или 865 г.²⁶

О. М. Рапов, оценивая обстоятельства, заставившие Бориса (внутренне уже готового к этому) принять христианство под давлением византийского императора Михаила III, обратил внимание на данные дендрохронологии, свидетельствующие о неблагоприятных природных условиях 864 и 865 гг. [Колчин, Чернов, с. 45, рис. 11], вызвавших голод на Балканах и в более северных областях Европы. В связи с этим Византия помогла новообращенным избежать голодной смерти. Возможно, тяжелые испытания голодных лет побудили верхушку «Русского каганата» заняться организацией нового похода за добычей в «империю ромеев» в 866 г., когда природа стала более милостивой к жителям Восточной Европы [Колчин, Чернов, с. 45, рис. 11].

Под 866 г. ПВЛ помещает рассказ о походе Аскольда и Дира на Константинополь, в котором, по моему мнению, объединены сведения об удачном набеге 860 г. и неудачном 866 г. с добавлением легенды о заступничестве Богородицы за жителей византийской столицы²⁷. Впервые эта легенда появляется в источнике VII в. – «Слове о положении ризы Богородицы во Влахернах», где это чудо связывается с событиями осады Константинополя в 626 г. аварами и подчиненными им этническими группами²⁸.

О первом крещении руси в то время ПВЛ умалчивает. Все попытки исследователей связать рассматриваемый рассказ с походом 860 г. или его последствиями лишены серьезных оснований²⁹. Мне представляется достаточно убедительной точка зрения П. В. Кузенкова, опирающегося на последовательность изложения событий в «Окружном послании» Фотия, что известия о крещении первой группы «росов» патриарх получил во время составления текста этого обращения к восточным архиереям (на рубеже 866–867 гг.), где главной своей заслугой

²⁵ Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках. С. 75.

²⁶ В ПВЛ краткий рассказ о крещении болгар (взятый из Хроники Георгия Амартола) помещен под 6366 (858) г., что является явным анахронизмом, как и второе упоминание об этом одной фразой под 869 г. (ПСРА. Т. 1. Стб. 19, 22; Т. 2. Стб. 13, 16), совпадающее по дате с Житием архиепископа болгарского Климента (см. об этом: Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., статьи и коммент. Д. С. Лихачева; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е. СПб., 1996. С. 397, 407).

²⁷ ПСРА. Т. 1. Стб. 21–22; Т. 2. Стб. 15.

²⁸ Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках. С. 68. Примеч. 17.

²⁹ См. об этом: [Юрасов, 2023].

он намеревался представить обращение Болгарии в христианство «и придал этому особое значение»³⁰.

Поскольку патриарх Фотий ничего не говорит о втором походе руси на Константинополь, но свидетельствует о принятии частью «росов» христианства в конце 866 г. [Рапов, с. 82], скорее всего, это произошло в связи с тем, что русский флот, потрепанный жестокой бурей, до Царьграда не дошел. На это, по крайней мере, намекает вставка в летописные описания под 866 г. легенды о заступничестве Богородицы за жителей Константинополя, якобы устроившей шторм в Черном море. Так называемая Брюссельская хроника XI в. сообщает о поражении, якобы понесенном «росами» от императорского войска в 860 г., что не подтверждается гомилиями Фотия³¹.

Принятие христианства, скорее всего, лишь правящей верхушкой «Русского каганата» хотя и не стало определяющим в истории Руси (этот «росток» Христовой веры оказался недолговечным), но сделало «росов» союзниками Византии, что должно было осложнить их отношения с Хазарией. Однако, судя по всему, Византия, вернув хазарам «Готские климаты», замирилась с ними. Это позволило русам, как союзникам василевса, пройдя через хазарские земли, совершить набег на Каспийское побережье Европы во владения мусульманской династии Алидов во время правления ее основателя Хасана ибн Зайда (864–884 гг.)³².

Следующее косвенное известие о «Русском каганате» относится к 871 г. Оно содержится в послании франкского императора Людовика II Немецкого византийскому императору Василию I Македонянину, где при перечислении титулов правителей различных народов среди носителей каганского титула упоминаются правители аваров, хазар, норманнов и дунайских болгар³³. Судя по всему, под «каганом норманнов» здесь имелся в виду политический лидер тех «росов», послы которых не смогли в 838–839 гг. добиться своих целей при византийском императорском дворе и возвращались на родину кружным путем через Восточнофранкское королевство. Именно они, скорее всего, совершили в рассматриваемое время походы на Константинополь и пытались создать на своей земле очаг распространения Христовой веры.

О сложном положении, в котором находились кангары в 70–80-е гг. IX в., сообщает «Анонимная записка». Являясь осколком племенного объединения печенегов, оказавшимся на землях «Внешней Хазарии» в окружении сильных противников, они подвергались регулярным нападениям соседей. В интерпретации Гардизи, дополняющего более ранние сведения, эта информация, восходящая к «Анонимной записке», выглядит так: «С каждой стороны к ним (то есть печенегам. – Б. З.) примыкает какой-то народ; с востока – кипчаки, с юго-запада – хазары, с запада – славяне; все эти народы производят нашествия, нападают на печенегов, уводят их в плен и продают (в рабство)»³⁴. Д. Е. Мишин, признавая, что рассматриваемые сведения «не гармонируют между собой», считает, что в этой фразе на месте *кипчаков* стояли *гузы*, а на месте *славян* – *буртасы* [Мишин, с. 54]. По мнению исследователя, речь здесь идет о печенегах, проживавших где-то к востоку от Волги и регулярно воевавших с буртасами, находившимися к

³⁰ Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках. С. 70.

³¹ Как считает П. В. Кузенков, в данном случае речь может идти о ударах природной стихии, которые были нанесены руси благодаря заступничеству Богородицы и о которых усердно молились жители Константинополя (Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках. С. 156; 157. Примеч. 8). Возможно, и в этом источнике соединены сведения о походах руси на Царьград 860 и 866 гг.

³² Ибн Исфандийар. История Табаристана / Пер. С. А. Алиева // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 3. С. 164–165. Если этот поход был предпринят после заключения союза Византии с «росами» (скрепленного крещением их части), то *terminus post quem* времени его совершения будет 866 г.

³³ Послание франкского императора Людовика II византийскому императору Василию I (871 г.) // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 4. С. 22–24.

³⁴ Заходер Б. Н. Каспийской свод сведений о Восточной Европе. Гурган и Поволжье в IX–X вв. М., 1967. Т. 2. С. 73.

западу от этой же реки³⁵. Все это, по мнению Д. Е. Мишина, относится к ситуации 889–892 гг., что является недостаточно обоснованной гипотезой (см. выше). Более вероятной выглядит господствующая точка зрения, что «Анонимная записка» рисует ситуацию 870–890-х гг.

Пребывание печенегов в то время в Поволжье представляется весьма сомнительным. Константин Багрянородный пишет о том, что *пачинакиты* жили между реками *Атил* (Волга) и *Геих* (Яик, совр. Урал), откуда они двинулись на запад, перешли через Волгу и начали вытеснять «турок» (венгров) из Северного Причерноморья³⁶, то есть в Поволжье они надолго не задержались. При этом император здесь имеет в виду не *кангаров*, а остальных *пачинакитов*, о чем свидетельствует пояснение Константина, что произошло это за 55 лет до написания трактата «Об управлении империей»³⁷, то есть между 893 и 897 гг.

Приведенные в рассматриваемом отрывке этногеографические ориентиры и политическая ситуация, которая им соответствовала, позволяют предположить, что речь здесь идет о периоде середины 50-х – начала 90-х гг. IX в. Можно согласиться с Д. Е. Мишиным в том, что восточными соседями печенегов-кангаров в то время были не кипчаки, а узы. Если же в остальном следовать варианту Гардизи, приведенному Б. Н. Заходером, что, по моему мнению, не нуждается в коньектурах, то остальные географические ориентиры явно относятся к кангарам, проравшимся в Северное Причерноморье. Нахождение хазар к юго-западу от печенегов соответствует в целом ситуации после 861 г., когда Хазария отвоёвала у Византии «Готские климаты», как и то, что славяне (*ас-сакалиба*) «Русского каганата» были западными соседями печенегов. Как долго сохранялось такое положение, сказать трудно. Если опираться на информацию ПВЛ, убивший в 882 г. Аскольда Олег, став киевским князем, подчинил северян и радимичей, до этого плативших дань Хазарии. Эти акции «вещего» князя увеличили границу подчинявшейся ему территории со Степью, скорее всего, с местами кочевания кангаров.

Самое значимое в рассматриваемом отрывке – свидетельство о регулярных походах соседей на печенегов ради увода пленников. Это никак не соответствует образу печенегов, рисуемому создателями ранних русских летописей. В ПВЛ печенеги выглядят источником постоянной опасности на южных границах Руси с 920 г., позднее их, как серьезную военную силу, киевские князья нанимали в качестве вспомогательного войска во время походов на Балканы. В столь незавидное положение, о котором свидетельствует «Анонимная записка», печенеги могли попасть в специфической ситуации второй половины IX в., когда кангары прорвались в степную полосу Восточной Европы, а остальные печенеги еще оставались в Заволжье. При этом, страдая от регулярных нападений соседей, кангары выстояли, чем облегчили печенежское завоевание Северного Причерноморья после прихода из Заволжья остальных своих соплеменников.

* * *

Обратимся теперь к так называемой «летописи Аскольда», то есть к уникальным известиям Ник., сообщающим о внешнеполитической деятельности этого князя и его соправителя Диры в рассматриваемое время. Перевод дат от сотворения мира в современное летосчисление сделан автором этих строк на основании так называемой «константинопольской эры», хотя это лишь наиболее вероятный, по моему мнению, вариант датировок, применявшийся древним летописцем. Такой же условной является привязка в рассматриваемых уникальных известиях о деятельности Аскольда (и Диры) к Киеву, что могло быть результатом их более позднего ре-

³⁵ Там же.

³⁶ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 154 (текст), 155 (пер.).

³⁷ Там же.

дактирования, поскольку археологи пока не могут найти следы существования Киева до рубежа IX–X вв. (см.: [Комар, с. 315–324]).

Под 6372 (863/864) г. в Ник. помещено известие: «Убиень бысть от Болгаръ Осколдовъ сынъ»³⁸. Если эта датировка Ник. дана по «константинопольской эре», то рассматриваемое событие косвенно подтверждает сведения «Окружного послания» патриарха Фотия о том, что «росы» поработили своих соседей и вследствие этого «возгордились». Если «гордыня» привела их под стены Константинополя, то они также могли воспользоваться отсутствием основных военных сил болгар в 862–863 гг. на родине из-за участия в мятеже герцога Карломана против Людовика Немецкого. Возможно, сын Аскольда отправился на Балканы «за славой и добычей» с небольшой дружиной, но не рассчитал свои военные силы и бесславно погиб.

Неудача второго похода руси на Царьград на фоне преимуществ, которые получила Болгария, став союзницей Византии после принятия христианства, могла побудить правящую верхушку «Русского каганата» последовать примеру болгарского хана Бориса. В Ник. содержится отдельный рассказ, озаглавленный «О князи Рустемъ Осколдѣ», в котором описан неудачный поход руси на Царьград и его последствия: «Роди же, нарицаеміи Руси, иже и Кумани, живяху въ Евксинопонтѣ, и начаша плѣновати страну Римлянскую, и хотяху поити въ Константинградъ; но възбрани имъ вышній промыслъ, паче же и приключися имъ гнѣвъ Божій, и тогда возвратишася тщи князи ихъ Асколдъ и Диръ. Василие же... Сотвори же и мирное устроѣніе съ прежреченными Русы, и преложи сихъ на христіанство, и просиша архіерея, и посла къ нимъ царь», после чего идет предание о несгораемом Евангелии³⁹.

С одной стороны, этот рассказ соотносится с выражением «Окружного послания» Фотия о «гордыне росов», а с другой стороны, предание о том, что верхушку «росов» убедило креститься чудо с несгораемым Евангелием, содержится в «Жизнеописании византийских царей» Продолжателя Феофана (Василий I, гл. 97)⁴⁰. Исследователи датируют это событие около 874 г.⁴¹ или 867 г.⁴² Последняя из этих дат представляется более соответствующей действительности. В Ник. ее можно подкрепить известиями, помещенными под 6375 (866/867) г.: «Возвратишася Асколдъ и Диръ отъ Царьграда въ малѣ дружинѣ, и бысть в Кіевѣ плачь велій. Того же лѣта бысть въ Кіевѣ гладъ велій»⁴³. Если в данном случае действительно имеется в виду неудачный морской поход руси на Царьград 866 г., то, при использовании летописцем «константинопольской эры», 6375 г. начался 1 сентября 866 г. В таком случае «росы», взявшие курс на Константинополь в конце 6374 г. и ставшие жертвами ударов природной стихии, возвратились на родину уже в начале 6375 г.

Известие о голоде в южной Руси, помещенное в Ник. под 6375 (866/867) г., не соответствует данным дендрохронологии: оба этих года были отмечены более благоприятными природными условиями, чем 864 и 865 гг. Б. А. Колчин и Н. Б. Чернов составляли диаграмму, опираясь на данные, полученные в ходе раскопок древнего Пскова и его округи. Возможно, южная Русь подверглась в указанном Ник. году удару природной стихии, обошедшему стороной север страны, но вызвавшему голод на юге.

³⁸ ПСРА. М., 2000. Т. 9. С. 9.

³⁹ Там же. С. 13.

⁴⁰ *Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей.* / Изд. подгот. Я. И. Любарский. СПб., 1992. С. 142–143; *Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magiater, Georgius Monachus* / Rec. I. Bekker. Bonnae, 1838. P. 342.

⁴¹ *Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей.* С. 309. Примеч. 223.

⁴² *Продолжатель Феофана. Хронография // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия.* М., 2010. Т. 2. Византийские источники / Сост. М. В. Бибиков. С. 178–179.

⁴³ ПСРА. Т. 9. С. 9.

Следующее сообщение Ник., помещенное под тем же 6375 (866/867) г., о том, что «избиша множество Печенѣгъ Осколдъ и Дирь»⁴⁴, может относиться к одному из походов русов на соседних кангаров, о которых свидетельствует «Анонимная записка». Как считает Д. Кришто, подвергавшиеся регулярным набегам соседей печенегии могли и сами нападать на своих разорителей [Kristó, p. 143]. Возможно, в данном случае кангары пытались воспользоваться неудачей второго похода руси на Царьград и «великим голодом» на землях «Русского каганата», что вызвало ответный карательный поход русских князей.

* * *

Вышеописанное не позволяет подтвердить достоверность рассмотренных уникальных известий Ник., но они вполне вписываются в одну из наиболее аргументированных версий развития внешнеполитической ситуации на южных границах «Русского каганата», предлагаемых исследователями. Вряд ли книжник XVI в. настолько тонко знал этническую историю и изменения международной обстановки в Северном Причерноморье в третьей четверти IX в., что насочинял целый ряд имеющихся в рассматриваемом летописном своде известий, не являющихся амплификациями или элементами той или иной «сюжетной линии».

Литература

- Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. 523 с.
- Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. 312 с.
- Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1993. Кн. 1. 572, [1] с.
- Колчин Б. А., Чернов Н. Б. Дендрохронология Восточной Европы. М., 1977. 128 с.
- Комар А. В. Киев и Правобережное Поднепровье // Русь в IX–X вв. Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 301–333.
- Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. 554 с., 1 л. карт.
- Мишин Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2002. 364, [1] с.
- Паушто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. 472 с., 1 л. карт.
- Рапов О. М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988. 414, [2] с.
- Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. 361 с., 2 л. ил.
- Черепнин Л. В. Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50–80-х годах XX в. // История СССР. 1972. № 4. С. 46–64.
- Шорохов В. А. Венгры в Северном Причерноморье по данным «Анонимной записки» // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия 5: История и филология. 2011. Вып. 3. С. 69–74.
- Юрасов М. К. Роль восточных славян и хазар в формировании этнического самосознания древних венгров // Сборники Президентской библиотеки. СПб., 2020. Вып. 5. История России, Венгрии и Китая в исследованиях современных ученых. С. 10–27.
- Юрасов М. К. К вопросу о первых очагах распространения христианства у восточных славян // Христианское чтение. 2023. № 1. С. 267–288. DOI 10.47132/1814-5574_2023_1_267
- Bollók Á. „Inter barbaras et nimiae feritatis gentes”. Az Annales Bertiniani 839. évi rchos követség és a magyarok // Századok (138). 2004. 2. sz. 349–380. l.
- Kristó G. Hungarian History in the Ninth Century. Szeged, 1996. 203 p.
- Lukácsy K. A magyarok őselei, hajdankori nevei és lakhelyei. Kolozsvár, 1870. II. k. 242 l.
- Pálóczi H. A. Keleti népek a középkori Magyarországon. Besenyők, uzok, kunok és jászok művelődéstörténeti emlékei. Budapest, 2014. 307 l.
- Thury J. A magyaroknak “szavarti aszfali” neve // Századok (31). 1897. 320–327., 390–393. l.
- Toynbee A. J. Constantine Porphyrogenitus and His World. London, 1973. 768 p.
- Tóth S. L. Megjegyzések a honfoglalás szakaszaihoz // Századok (130). 1996. 4. sz. 877–906. l.

⁴⁴ Там же.

References

- Artamonov, M. I. *Istoriya khazar* [History of the Khazars]. Leningrad, 1962. 523 p.
- Bollók, Á. „Inter barbaras et nimiae feritatis gentes”. *Az Annales Bertiniani 839. évi rhos követsége és a magyarok*. In *Századok* (130). 2004. 2. sz. 349–380. l.
- Cherepnin, L. V. *Spornye voprosy izucheniya Nachal'noi letopisi v 50–80-kh godakh XX v.* [Controversial Issues of the Study of the Initial Chronicle in the 50–80s of the XXth Century]. In *Istoriya SSSR*. 1972. No. 4. Pp. 46–64.
- Kloss, B. M. *Nikonovskii svod i russkie letopisi XVI–XVII vv.* [The Nikon Code and Russian Chronicles of the 16th – 17th Centuries]. Moscow, 1980. 312 p.
- Klyuchevskii, V. O. *Russkaya istoriya. Polnyi kurs leksii v trekh knigakh* [Russian History. A Complete Course of Lectures in Three Books]. Moscow, 1993. Book 1. 572, [1] p.
- Kolchin, B. A., Chernov, N. B. *Dendrokronologiya Vostochnoi Evropy* [Dendrochronology of Eastern Europe]. Moscow, 1977. 128 p.
- Komar, A. V. *Kiev i Pravoberezhnoe Podneprov'e* [Kiev and the Right-Bank Dnieper]. In *Rus' v IX–X vv. Arkheologicheskaya panorama*. Moscow; Vologda, 2012. Pp. 301–333.
- Kristó, G. *Hungarian History in the Ninth Century*. Szeged, 1996. 203 p.
- Levchenko, M. V. *Ocherki po istorii russko-vizantiiskikh otnoshenii* [Essays on the History of Russian-Byzantine Relations]. Moscow, 1956. 554 p., 1 l. of maps.
- Lukácsy, K. *A magyarok őselei, hajdankori nevei és lákhelyei*. Kolozsvár, 1870. II. k. 242 l.
- Mishin, D. E. *Sakaliba (slavyane) v islamskom mire v rannee srednevekov'e* [Sakaliba (Slavs) in the Islamic World in the Early Middle Ages]. Moscow, 2002. 364, [1] p.
- Pashuto, V. T. *Vneshnyaya politika Drevnei Rusi* [The Foreign Policy of Old Rus]. Moscow, 1968. 472 p., 1 l. of maps.
- Pálóczi, H. A. *Keleti népek a középkori Magyarországon. Besenyők, uzok, kunok és jászok művelődéstörténeti emlékei*. Budapest, 2014. 307 l.
- Rapov, O. M. *Russkaya tserkov' v IX – pervoi treti XII v. Prinyatie khristianstva* [The Russian Church in the 9th – the First Third of the 12th Century. Adoption of Christianity]. Moscow, 1988. 414, [2] p.
- Rybakov, B. A. *Drevnyaya Rus': Skazaniya. Byliny. Letopisi* [Old Rus: Legends. Epics. Chronicles]. Moscow, 1963. 361 p., 2 l. of il.
- Shorokhov, V. A. *Vengry v Severnom Prichernomor'e po dannym "Anonimnoi zapiski"* [Hungarians in the Northern Black Sea Region according to the “Anonymous Note”]. In *Vestnik Udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Istoriya i filologiya*. 2011. Issue. 3. Pp. 69–74.
- Thury, J. *A magyaroknak "szavarti aszfali" neve*. In *Századok* (31). 1897. 320–327., 390–393. l.
- Toynbee, A. J. *Constantine Porphyrogenitus and His World*. London, 1973. 768 p.
- Tóth, S. L. *Megjegyzések a honfoglalás szakaszaihoz*. In *Századok* (130). 1996. 4. sz. 877–906. l.
- Yurasov, M. K. *Rol' vostochnykh slavyan i khazar v formirovanii etnicheskogo samosoznaniya drevnikh vengrov* [The Role of the Eastern Slavs and Khazars in Shaping of the Ethnic Identity of the Ancient Hungarians]. In *Sborniki Prezidentskoi biblioteki. Saint Petersburg*, 2020. Issue 5. *Istoriya Rossii, Vengrii i Kitaya v issledovaniyakh sovremennykh uchenykh*. Pp. 10–27.
- Yurasov, M. K. *K voprosu o pervykh ochagakh rasprostraneniya khristianstva u vostochnykh slavyan* [On the Question of the First Centers of the Spread of Christianity among the Eastern Slavs]. In *Khristianskoe chtenie*. 2023. No. 1. Pp. 267–288. DOI 10.47132/1814-5574_2023_1_267

Michail K. Yurasov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

FOREIGN POLICY OF THE “RUSSIAN KAGANATE” IN THE THIRD QUARTER OF THE 9th CENTURY AND NEWS OF THE NIKON CHRONICLE

The foreign policy situation that contributed to the success of Rus's campaign against Constantinople in 860, the failure of the second campaign in 866, which, inter alia, resulted in the emergence of the first center of Christianity in Rus, which quickly ceased to exist, has still not been sufficiently studied due to the scarcity of reliable information sources. Meanwhile, the inclusion of all evidence relating to the situation in the Northern Black Sea region at the specified time allows us not only to create a reasoned hypothetical version of the foreign policy history of the “Russian Kaganate” in the third quarter of the 9th century, but also to evaluate the correspondence of the resulting picture with some unique news of the Nikon Chronicle, conventionally called by individual researchers as the “Askold Chronicle”.

Keywords: “Russian Kaganate”, Russian campaigns against Byzantium in 860 and 866, ethnic history of the Northern Black Sea region, evidence from eastern sources about the peoples of Eastern Europe, Nikon Chronicle

